

в острой публицистической форме дать патетически украшенное изображение осады Азова, которое убедило бы московское правительство принять Азов. Сказочная повесть вспоминает всю азовскую эпопею в целом — от первого взятия до вынужденного оставления казаками Азова после героической его защиты — не в исторически точных ее очертаниях, а в поэтической обработке. Эта повесть последней трети XVII века была создана тогда, когда самая тема ее перестала быть такой животрепещущей и прямо связанной с жизненными интересами казачества, какой она была в конце 30-х и начале 40-х годов XVII века. На первом плане в ней поэтому оказалась обобщенная картина длительной героической борьбы казаков с турками, борьбы, принимавшей, в зависимости от обстановки, разные формы, но в данном случае отнесенной к азовскому взятию. Такое обобщение, несомненно раньше, чем в письменной литературе, произошло уже в казачьем фольклоре, в многочисленных песнях, которые, слагаясь под непосредственным впечатлением определенных исторических фактов, с течением времени отвлекали типичные черты столкновений донского казачества с турками и свободно переносили их с событий более ранних на позднейшие.

Однако и в том поэтически переработанном виде, в каком азовские события изложены в Сказочной повести, участники этих событий сохраняют реальные черты своего характера и поведения: они бесстрашны, умны, хитры; играя на жадности противника, одурачивают его, относятся к нему с презрением. Мало того, очевидно нарушая историческую точность в воспроизведении реального хода событий, Сказочная повесть вместе с тем вводит много реалий не только подлинного казачьего быта вообще, но и той обстановки, в какой развернулась в 1630—1640-е годы борьба за Азов.

Минуя пока вопрос о том, откуда в Сказочную повесть проник рассказ о похищении казаками дочери азовского воеводы, предваряющий описание собственно азовских событий, обратимся к своеобразному изложению темы Исторической повести, т. е. взятия Азова в 1637 году небольшим отрядом донских казаков.

Этот рассказ не имеет ничего общего с тем, как в действительности захвачен был Азов. Реалистически изложенный, этот рассказ все же представляет собой вымысел, если говорить о событиях именно 1637 года. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что в своей многолетней борьбе с турками за Азов казаки не раз прибегали ко всякого рода военным хитростям, чтобы обмануть врага, и одна из таких хитростей — проникновение в лагерь противника на возах с товарами — в казачьих песнях оказалась приуроченной именно к взятию Азова. Такое приурочение могло, конечно, произойти уже тогда, когда стерлись в памяти исторически точные подробности взятия.

В песенном репертуаре не только донских казаков, но и населения других русских областей, а частично и в украинских песнях сохранилась группа вариантов такой исторической песни, которая изображала взятие Азова как захват города хитростью отрядом казаков; они въехали туда под видом купцов, которые скрыли своих товарищей на возах под товаром. Вся схема данного эпизода повести целиком отвечает плану песни: казаки собрались в круг, атаман предлагает в одни телеги посадить по четыре казака с ружьем, а в другие положить товары. Так отправляются казаки к Азову. „Не доходя до Азова за день“, атаман спрятал на возах вооруженных казаков, остальных велел переодеться, и под видом торговых людей „из астраханского